

М. А. СВИСТУНОВ

И В ПОГИБЕЛИ НЕТЛЕННЫ

**Сказание об Авнежском Троицком монастыре
(легенды и факты)**

**г. Вологда
1991 г.**

- «...ДА НЕБЕСПАМЯТНА БУДУТ...»
- СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ
- ЧТО ПУТАЮТ ИСТОРИКИ?
- ПЕРВЫЕ ПОДВИЖНИКИ В ЗАВОЛОЧЬЕ
- ПЛОТЬ ИЛИ ДУХ?
- СКАЗКИ О «КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ»
- ЧЕМ ВЛАДЕЛ МОНАСТЫРЬ?
- «ТВОРИТ СВЯТЫХ НЕ ЦЕРКОВЬ, А БОГ»
- РАССКАЗ ИГУМЕНА ИОАСАФА
- ДРУГАЯ ВЕРСИЯ
- ЧЕРЕЗ 132 ГОДА
- СЛАВА О ЧУДЕСАХ ГРИГОРИЯ И КАССИАНА
АВНЕЖСКИХ
- ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ И МИТРОПОЛИТ МА-
КАРИЙ
- ПОД ЭГИДОЙ СВЯТОТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ
ЛАВРЫ

И В ПОГИБЕЛИ НЕТЛЕННЫ

**Сказание об Авнежском Троицком монастыре
[легенды и факты]**

Ответственный за выпуск **А. Ф. Третьяков**

Сдано в набор 3.12.91. Подписано в печать 18.12.91. Формат 60×84 1/16.
Бумага писчая. Гарнитура литературная. Объем усл. печ. л. 0,93. Тираж 15000.
Заказ 145. Цена договорная.

Музейное издательское предприятие «Историк»
160000, г. Вологда, ул. Ленинградская, 6.
Усть-Кубинская районная типография, 161140, Устье, Набережная, 1

«... ДА НЕБЕСПАМЯТНА БУДУТ...»

Вологодское музейное издательское предприятие «Историк» приступает к выпуску брошюр и буклетов о памятниках русского православия на Севере. Периодичность изданий предполагается поквартальная, в зависимости от спроса. Мы предлагаем читателям рассказы о крупных духовных центрах Севера—Кирилло-Белозерском, Спасо-Прилуцком и других монастырях, о выдающихся храмах и чудотворных иконах в них, о подвижниках православия.

Брошюра, которую вы сейчас открыли, первая в серии. В ней — рассказ о Троицком Авнежском монастыре, потому что, во-первых, он был практически первым в Заволочье, а во-вторых, из-за его трагической истории. Кем бы ни был он разорен—казанскими ли татарами с помощью вятичей или без оных, местными ли душегубами и святотатцами—он возродился и выполнял свою миссию до обращения одной из его церквей—Троицкой — в приходскую. С 1918 по 1939 гг. церковь была подвергнута окончательному унижению и осквернению.

Но окончательному ли? Вспомним: первое запустение монастыря длилось 132 года. Сколько продлится второе?

Наша земля и воды, и воздух над ними пронизаны малиновыми звонами отзвучавших колоколов, духовным напряжением наших пращуров—авнежских чудотворцев Григория и Кассиана,—прямых наших предшественников.

Остатки энергии прошлого еще ютятся в наших днях, не дают нам скатиться окончательно в порок и скверну, обнадеживают на возрождение. И наша забота о сохранении памяти земли и человека—не конъюнктура, не дань моде, а неотложная потребность сохранить человеческий образ во времени и пространстве.

Нам придется рассмотреть сообщения нескольких авторов на эту тему. Они в чем-то сходятся, но есть и различия. Поэтому мы поневоле иногда повторимся, говоря об истории монастыря.

Сказание это, как отмечает И. К. Степановский, было напечатано в местных ведомостях Пл. Гр. Волковым и заимствовано им из древней рукописи, но из какой—не пояснено. Монастырь этот находился в пределах бывшего Тотемского уезда, частью входящего теперь в состав Грязовецкого, в Авнежской волости на реке Сухоне близ речки или протока Юрьева.

На это мы можем заметить, что первоначально Авнега—княжество наряду с Шуйским самостоятельным городком, потом—как одна из волостей бывшего княжества, наряду с Ново-Никольской, Шиленгской и Ведерковской,—в составе Вологодского, а затем Грязовецкого уезда. При Василии Темном часть Авнеги относилась к Костромскому уезду.

Как сообщает А. А. Засецкий, при Екатерине II Вологодский уезд был весьма обширен. Он делился на трети и волости. Всего третей было девять. В первую треть—Комельскую—входили волости: Лоскомская, Комельская, Авнежская, Шилегодская, Обнорская, Лежсковолодская, «и того в одной трети шесть».

Шуйская же волость образована в 1780 году из Шепухоцкой, Козланской, Кочковской волостей Вологодского уезда. Правля, по состоянию на 1869 г. деревни Быльник, Поплевино, Заречье, Оброшино, Засухино, Новая и два погоста—Троицкий—Авнежский и Троицкий—Нозомский—числятся в Тотемском уезде, хотя тот же Троицкий—Нозомский (дворов—4, жителей мужского пола—9, женского пола—9 и 11—расхождение только в этом обонх списков) числятся и в Грязовецком уезде (№ 9090 и № 3174).

Местоположение монастыря на левом берегу речки Авнежки против деревни Заречье на территории современного колхоза «Завет».

Монастырь был основан преподобным Стефаном, иноком Киево-Печерской лавры (а впоследствии игуменом прежде основанного им Махрищенского монастыря) вместе с преподобным Григорием и Кассианом Авнежским в 1370 году при Дмитрии Донском. В 1392 году монастырь уничтожен казанскими татарами, убившими Григория и Кассиана. В 1560 году монастырь был восстановлен, а в 1764 году—упразднен.

Значительные подробности об этих событиях содержатся в книге А. Ратшина.

Вот что он пишет: «В числе уничтоженных монастырей Авнежский—Нозомский, мужской, в 60 верстах от губернского города Вологды, близ реки Сухоны и Юрьева протока, основан был около 1370 года Преподобным Стефаном Махрицким и учениками его Григорием и Кассианом. Они первоначально построили в бывшей тут пустыне две церкви: сперва Живоначальная Троицы, а потом великомученика Георгия и вокруг кельи. Вскоре Авнежская обитель под начальством Преподобного Григория прославилась во всех окрестностях.

Великий князь Дмитрий Иоаннович Донской прислал сюда вклады и книги служебные.

В 1392 году обитель совершенно разорена татарами и вятчанами, причем Преподобные Григорий и Кассиан с прочею братиею убиты. Запустение Авнежского монастыря продолжалось 132 года, до того, что даже место, где он существовал, заросло лесом. В 1524 году один крестьянин, дровосек, нечаянно нашел мощи св. Григория и Кассиана—и по умножившимся чудесам от сих угодников вскоре поставлена тут часовня; а в 1560 году Царским иждивением учреждена опять над гробами их обитель и построены вновь две церкви—Троицкая и Георгиевская.

В 1764 году монастырь сей упразднен, и существующая ныне церковь св. Троицы (1850-е гг.—авт.) обращена в приходскую; в ней под спудом почивают ныне и мощи Преподобных Григория и Кассиана.

Новые штрихи к этим сообщениям прибавляет исследователь В. В. Зверинский.

«Авнежский Троице-Сергиев (у Ратшина—Авнежский—Нозомский,—авт.), мужской, ныне погост того же имени, Вологодской губернии, Тотемского уезда, в 150 верстах к юго-западу от Тотьмы и в 60 верстах к северо-востоку от Вологды, при речке Авнеже, впадающей справа в Сухону. Основан в 1370 году Преподобным Стефаном, Махрицким чудотворцем, и его учеником Преподобным Григорием, при материальном содействии селянина Колостантина Дмитриевича (фамилия неизвестна,—авт.), принявшего здесь иночество под именем Кассиана».

В более расширенном смысле хозяйственного развития толкования эти сведения используются Л. И. Ивиной в книге «Внутреннее освоение земель в России в XVI веке».—Ленинград, «Наука», 1986, с. 179—181, 206—215.

Здесь привлечены дополнительные источники и новые сведения, в частности, о строительстве других монастырей в Авнеге и соседних землях.

К югу от Вологды основатели монастырей были связаны главным образом с церковными деятелями Московской Руси и монахами Кирилло-Белозерского монастыря.

В 1370 году Дмитрий Прилуцкий (имя Прилуцкий он получил позднее, после основания Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой—авт.), с разрешения Дмитрия Донского, построил церковь на реке Леже. Крестьяне окрестных селений опасались, что «сей великий старец близ нас жити будет и по мале времени овладеет нами и селы нашими», и потому потребовали, чтобы Дмитрий удалился, заявив ему, по словам «жития»: «отче, не угодно есть нам твое зде пребывание». У Л. И. Ивиной об этом сказано так: «В 40 верстах к юго-востоку от Вологды, при реках Леже и Великой до 1371 г. уже на заселенной территории появился Воскресенский монастырь, основанный Дмитрием Прилуцким еще до Спасо-Прилуцкого монастыря. Судя по житию Дмитрия Прилуцкого (XV в.), возникновение монастыря вызвало недовольство местных жителей, требовавших удаления монахов. Тогда Дмитрий Прилуцкий ушел на новое место, а Воскресенский монастырь (монастырек Дмитрия Прилуцкого), видимо, продолжал существовать. По сотной 1543—1544 гг. значился в числе владений Спасо-Прилуцкого монастыря в Авнеге.

В великокняжеских грамотах местность Авнега упоминается в связи с образованием по духовной Василия II Вологодского удела князя Андрея Васильевича Меньшого (ДДГ, № 61, с 195). В нее входили не только земли по реке Авнежке, но и территория, расположенная юго-западнее, до рек Лежи и Великой.

В районе Авнеги, по речке Авнежке, в 60 верстах к северо-востоку от Вологды одновременно с Воскресенским монастырем по инициативе Стефана Махришского появился Авнежский Троице-Сергиев монастырь. В 90-х годах он был разорен и находился в запустении до XVI века. До 1471 года в районе Авнеги, в нескольких верстах севернее Авнежского Троице-Сергиева монастыря была создана Борисо-Глебовская мужская пустынь, ныне остров Глебов на реке Сухоне Тотемского уезда, к юго-западу от Тотмы в 140 верстах, в 10 верстах от села Шуйского и в 114 верстах от истока реки Сухоны. Существовала до 1479 года и находилась тогда в пределах Вологодского уезда. В 1718 году она принадлежала к числу не очень скудных в епархии. В 1732 году в ней был только один инок; упразднена в 1764 году.

К моменту ликвидации Вологодского удела в 1481 году к югу и востоку от Вологды было не более 6 монастырей, в том числе по рекам Обноре и Нурме.

В конце XV века количество монастырей начинает быстро расти. До 1482 года в 40 верстах к востоку от Грязовца, на правом берегу реки Сухоны появился Николо-Мокринский мона-

стырь, а также Корнильев—Комельский, Перцова пустынь, Иннокентиев Спасо-Преображенский Комельский.

С ростом экономической и политической роли Вологды в XVI веке они стали больше тяготеть к ней, а не к Костроме.

Жизнь района Авнеги, расположенного на восток от Вологды по правым притокам реки Сухоны, в XVI веке прослеживается в какой-то мере по материалам Авнежского монастыря (по сказанию о монастыре и выдержкам из актов XVI века), разоренного еще в конце XIV в. История Авнежского монастыря изложена в сказании о Григории и Кассиане Авнежских—сподвижниках основателя монастыря Стефана Махрищского. Сказание, написанное, по мнению В. О. Ключевского, на основе местных рассказов около 1560 года, является составной частью жития Стефана Махрищского. Известны две редакции сказания, главным расхождением которых является рассказ о разорении монастыря в конце XIV века и убийстве Григория и Кассиана. Первая редакция связывает это событие с нашествием татар (и вятчан—В. В. Зверинский), вторая называет местных жителей, которые, напав на монастырь и разорив его, бежали в село Росцыно (сохранилось до XIX в. в 42 верстах на северо-восток от Грязовца—Л. И. Ивина; до 70-х годов XX в.—авт.), «где им прежде пристанище».

Коноплев, нашедший эту редакцию, и Будовниц считали ее более достоверной. Последний указывал на нее как на «памятник классовой борьбы черносотных крестьян севера против зарившихся на их земли и свободу церковных феодалов».

Оба исследователя отмечали, что сказание дает возможность считать местность вокруг разоренного монастыря обитаемой, особенно в первой четверти XVI века, когда здесь упоминались три церкви. Некоторые данные о населенности окрестных районов сообщает краткий галичский летописец. Так, в 1521 году в Толшме (с таким названием встречаются два правых притока реки Сухоны—здесь автор должен уточнить: Толшма Авнегская впадает в Белый Шингарь верстах в четырех от его впадения в Сухону,—один в Тотемском уезде, в 50—100 верстах на юг от Тотмы, к костромскому рубежу, другой—в Грязовецком, в 30—35 верстах на северо-восток от Грязовца, в семи верстах от упомянутого сельца Росцыно) «в полон взяли и изсекли полсеми тысящи христиан».

Мы не имеем возможности достоверно заключить, к которой из Толшменских местностей относится такое крупное иссечение христиан.

Но почти каждое слово выше приведенной цитаты из И. У. Будовница о «памятнике классовой борьбы крестьян севера...», то есть о сожжении монастыря и убийстве монахов, вызывает у нас

резкие возражения и по форме, и по содержанию. Само мерзкое дело или даже только рассказ о нем вряд ли этично определить словом памятник. Памятник в народном понимании определяет совсем другие дела и свершения, причем противоположного свойства. «Классовую борьбу» вряд ли уместно в чистом виде переносить на два—три века назад. Если даже допустить, что на разбой и бандитизм решились местные крестьяне, то и в этом случае сожжение двух храмов и убийство двух священнослужителей и монахов, живших не более чем в семи кельях, явно не тянет на «классовую борьбу».

Другие слова этой фразы—«зарившихся», «засилья», «церковных феодалов»—окрашены чересчур эмоционально, неуважительно по отношению к народу. Земли было еще достаточно, о чем свидетельствуют приведенные данные, а деятели церкви, в том числе и названные, были ее устроителями и строителями на ней. Да и, помните, Дмитрий Прилуцкий уступил крестьянам и ушел, а монастырек (Воскресенский Великоорецкий) продолжал существовать впоследствии как приходская церковь до советского времени. (Приход охватывал Бели, Кашино, Гору, оба Липовика, Зимняк, Киселево, Заречье и другие деревни).

Кроме того, частный случай (причем с предположительными исполнителями) вряд ли корректно ученому человеку расширять до «классовой борьбы черносошных крестьян севера». Севера! Север велик!

Основные же наши возражения по существу вопроса сводятся к следующему. Их два.

Первое. Сельцо Росцыно действительно существовало в верховьях Белого Шингаря вблизи небольших деревень Губино и Котынино. В этом «сельце» испокон веков существовала водяная мельница. Кроме мельничного сарая, плотины и прочего мельничного хозяйства, трудно предполагать здесь существование более двух домов, включая и дом мельника. Так было и в лучшую пору этого «сельца»—в первой половине нашего XX века. Конечно, так далеко (до 20 верст) притязания монастыря не распространялись.

Второе. Рассказ о толшменском иссечении христиан лишь подтверждает тот факт, что казанские татары (совместно или порознь с вятчанами, а Вятка в ту пору находилась под влиянием Новгорода) совершали не слишком частые, но регулярные набеги на северные земли вплоть до Великого Устюга в течение даже всего XV века (С. М. Соловьев) и в XVI веке.

Возобновление монастыря, судя по сказанию, начинается со строительства в 1524 году часовни Григория и Кассиана, которое вызывает протесты окрестных жителей и властей Глушицкого монастыря. В соседстве с Авнежским монастырем находилась и черная Шилехоцкая волость («Соседство» опять же на расстоя-

нии до 30 верст—авт.). Однако Ивина допускает, что именно ее (Шилехоцкой волости) крестьяне были недовольны активизацией монахов.

Наступление на волость проходило и со стороны правительства. Ее земли еще до 50-х годов XVI века поступили в поместную раздачу, а уже в 50-х—90-х годах XVI века некоторые из помещиков передали эти земли в монастырь.

Официальное открытие монастыря в 1560 году сказание связывает с именами Митрополита Макария и Ивана IV, который монастырю «села дает на пропитание».

Таким образом, в XIV—XVI веках на территории современного Междуречья существовали Авнегский, Николо-Мокринский монастыри, Борисоглебская пустынь на острове Глебоке, а также Архангельская пустынь и Шилегодская Александра Коровина пустынь на реке Шингоре. (Река Красный Шингарь—Волжского бассейна: впадает в реку Кострому; реки Белый Шингарь и Черный Шингарь—Двинского бассейна).

Заканчивая разговор о монастырях, нам остается добавить только один штрих.

Е. Голубинский, ординарный Академик Императорской Академии Наук, Заслуженный ординарный профессор Московской Духовной Академии писал в начале нашего века: «После Собора 1549 года при Митрополите Макарии были канонизированы: неизвестно когда именно вскоре после Собора Ферапонт и Мартинаиан Белозерские, в 1553 году царевич Ордынский Петр и еще неизвестный или неизвестные кто-то, в 1560 году или вскоре после него Григорий и Кассиан Авнежские».

Современному читателю может быть не совсем ясно, что значит канонизация. Поэтому продолжим из Голубинского: «... творит святых не церковь, а Бог. Канонизируя кого-нибудь во святые, церковь только признает и провозглашает тот факт, что известное лицо удостоено от Бога быть принятым в сонм Его святых, вместе с чем принимает на себя обязанность вести себя по отношению к лицу так, как принято вести себя по отношению к святым, т. е. ублажать и прославлять его песнопениями и службами. Из сказанного ясно, что должны существовать признаки, на основании которых церковь могла бы уверяться, что известное лицо удостоилось от Бога быть принятым в сонм Его святых. Таким признаком у нас вместе со всею христианскою церковью считалось то, что при гробе с останками или мощами известного лица творились чудеса.

* * *

У читателя, конечно, осталось чувство неудовлетворенности от чтения предыдущей статьи. В самом деле: о скольких монастырях здесь говорится, и как они назывались в самом деле? Почему автор протестует против фразы И. У. Будовница о «классовой борьбе», не приводя возражений по существу дела, а не косвенных? Почему в 1524 году и окрестные жители, и власти Глушицкого монастыря «протестовали против строительства часовни Григория и Кассиана?» Почему не предъявляете «товар лицом», т. е. описание чудес угодников Божиих?

Вопросы правомерны. В предыдущей статье нами использованы «показания» семи авторов. Каждый из них освещал свою тему, защищал свою мысль и использовал материалы или поверхностно, как в случае с «протестом» против часовни, или не представляя предмета разговора «на местности», как у Ратшина с названием монастырей, или походя, не придавая значения «мелочам», например, олицетворяющим «классовую борьбу» трем (!) бандитам, и то не установленным достоверно. Странно и то, что версия о бандитах выглядит стройно, даже интересно, автор мог бы гордиться своей записью, а он вот взял да неизвестным и остался!

Так вот о монастырях. По крайней мере уже в начале XVI века их по соседству было два: Троицкий Авнежский на речке Авнежке (иначе Юрьевом протоке), основанный в 1370 году Стефаном Махрицским. Об этом и идет у нас речь. Второй монастырь был основан, видимо, позже в излучине Нозьмы, на ее правом берегу чуть западнее современной Новой деревни и юго-восточнее д. Фролово. Назывался он Троицкий Нозомский. Почему оба Троицкие? Потому что первые церкви в том и другом были устроены в честь Живоначальной Троицы.

Ну, а на все остальные вопросы ответ ниже.

«Кое-какие сведения об их жизни (т. е. Григория и Кассиана — авт.) можно почерпнуть из жития их общего учителя преп. Стефана Махрицкого, написанного Даниловским игуменом Иоасафом, перу которого принадлежит и сказание о явлении мощей Авнежских подвижников.

Он ездил в Махрищ, вопрошал игумена Варлаама, который по поручению митрополита Макария свидетельствовал мощи Григория и Кассиана.

Ему (Иоасафу) были принесены свитки, писанные пресвитером той обители Серапионом, прадедом Варлаама, который был «самовидец» преподобным и Сергию (Радонежскому), и Стефану (Махрицкому).

Коноплев пишет: «рассказ Иоасафа простой, внушающий доверие, а в сказании о чудесах Авнежских подвижников обилел и интересными подробностями».

Стефан Махрицкий ушел от своих ненавистников в Махрище (от соседей—братьев Алексия, Федора, Ивана и Петра Юрковских), которые хотели «владети селом и нивами» его, «дышали убийством». Он пошел в болота и дебри Вологодские, а поселился «во внутренней пустыни, близ Сухоны при потоке Юрьеве».

Поставили церковь во имя св. Троицы, затем церковь во имя великомученика и победоносца Георгия. Потом устроили трапезу и келии для братии.

Близ пустыни жил «Костянкин сын Дмитриев, рода честна и богата». «Сей принесе Стефану имения немало на строение монастыря и братии милостыню довольно подаде и моли преподобного облещи его во иноческая».

При пострижении наречен Кассианом.

После молитвы и богослужения их обычным занятием было ходить по окрестностям, рубить и жечь лес и насевать ниву.

Дмитрий Иоаннович (Донской), узнав о новом месте жительства Стефана, послал ему «милостыню довольно и книги свои», велел придти в Москву. Должность игумена Стефан при прощании вручил Григорию, а келарскую службу—Кассиану.

Дальнейшие сведения об Авнежской обители и ее подвижниках заключаются в сказании об обретении их мощей и восстановлении разрушенной Авнежской обители. Последнее событие совершилось около 1560 года повелением Московского Митрополита Макария.

По его поручению Махрицкий игумен Варлаам свидетельствовал мощи преподобных и собирал сведения о чудесах их. Сбор на основании донесения Варлаама установил праздновать Григорию и Кассиану и поручил Даниловскому игумену Иоасафу написать сказание о них. (Списки: ркп (рукописной) библиотеки бывшего Авнежского монастыря (теперь приходская церковь); рукоп. сборник библиотеки Спасо-Прилуцкого монастыря № 37/36, л. 307—336; ркп сборник Соловецкой библиотеки № 586).

Заглавие сочинения: «Слово о явлении мощей Григория и Кассиана на Авнез и воспоминание о чудесах их. Списано смиренным иеромонахом Иоасафом, игуменом Даниловским».

В предисловии к этому сказанию Иоасаф замечает, что цель его труда—спасти чудеса преподобных от того окончательного за-

бвения, которое постигло их жизнь: «да небеспамятна будут явления святых и чудеса, якоже случися быти и о возрасте, и отвержении от мира, ради многих лет, обносимых без написания ради грех наших и частых находжений безбожных и поганых агарян, живущих в Казани, «Вятчан бяху бо Вятчана тогда не повинующеся скипетром Российским... многия крови христианские пролиаша—церкви святые сожигашу и монастыри раззоряху... никому же их такое дерзновение возбранящу или пресецающу, даже и до самого града Вологды, близ же достазаху оная веси, глаголемыя Авнеги, идеж монастырь преподобных... Церковь святаго великомученика Георгия безбожии онии татарове сожгаша и место оное конечному запустению предаша и во много время никтоже ту смеяше жити... и на оном месте запустения растяше лес величайший».

Такова история Авнежских подвижников по сказанию жития Иоасафа.

Но есть другая редакция этого сказания, несколько расходящаяся со сказанием Иоасафа. (Примечание Н. Коноплева, М. 1895). Эта редакция находится на первых и последних листах Авнежского списка. Рукопись сильно обветшала и разбирается с большим трудом).

Эта редакция, по словам неизвестного автора ее, составлена на основании местных сказаний об Авнежских чудотворцах и является весьма интересною, сколько для истории северо-русского подвижничества, столько и для обрисовки нравов обитателей древне-русского севера. Вот ее содержание.

В начале своей повести автор замечает, что он намерен дать более достоверные, чем в сказании Иоасафа, сведения «о жизни преподобного Стефана Махрищского и учеников его священномучеников Григория и Кассиана», на основании сведений, собранных им «от здешних жителей».

В этой версии указано другое место пострижения Стефана (Свято-Богоявленский монастырь), указан возраст Григория (18 лет в период знакомства со Стефаном), Константину было 23 года (в 1370 г.). Еще автор добавил, что об ушедшем Стефане «здесьние жители не любопытствуют и к нему не обыкоша». Но дальнейшее содержание любопытно.

Григорий и Кассиан после Стефана жили вместе, друг друга почитая, сиротам, нищим и пришельцам являли милосердие. «Но благочестием и учением здешняя страна не просвещена, а злобою и завистью, и прелестию помрачена: по попущению Божию, коварный супостат диавол, всех душ человеческих губитель, тогда самовластным живущим, малознающим, не боящимся Бога, вложи злую мысль, чтобы их (преподобных) имения разграбить и телеса убить и огнем сожещи. Омрачися пианством и несътст-

вом, и завистью и вскоре тии убиение священномученикам Григорию с Кассианом учиниша и огню предаша. И нигде огонь чистительный тел их не язвил, но по пятидесяти летех и более на том месте многие чудеса являхуся. А по убиении их в том монастыре вселишися татие, и разбойници, и душегубцы, яко те угодники показуше исперва под видом лицемерства лукавое монашеское житие, а всем злым делам совершилише: Васька Тяжолов—Каин, Конелов Ванька, Чурчин баболов и многие злыя дела и пакости деяху, грабяху насильно, убиваху и баб уводяху любодействовати. И по многом том любодействе и убистве собрашася тутошних житель многолюдство, чтобы их за то злое убить, и они познаша сие, и все монастырское строение зажгоша, и сами бежаша, и гнашася до места многонародным собранием, где им прежде пристанище—до сельца Росцына. Из того сельца видят множество народа спомоществуют тех убийц ко убиению и потребися память тех злотворцев с шумом».

...Годы шли за годами, прошло 132 года со времени преставления Преподобных Григория и Кассиана. На престоле Московском сидел Василий Иоаннович; Авнега была в уделе князей своих Симеона и Петра. Татарские набеги прекратились, селения давно возродились из пепла. В одном из них, ближнем к забытой могиле преподобных, был зажиточный крестьянин Гавриил; ему понадобилась земля, годная для пашни, и он случайно попал на то место, где стоял прежде Троицкий Авнежский монастырь и почивали в земле мощи преподобных его основателей. Не имея никакого понятия о святости этого места, Гавриил сделал на нем пространную подсеку, из больших деревьев поставил себе неподалеку избу, а остальные зажег, готовя место под посев. Огонь истребил все подрубленное, но хворост на могиле Преподобных и на месте церкви Святой Троицы не горел. Как ни ухитрялся Гавриил поджечь хворост, огонь гас. Тогда он раскидал хворост и вспахал землю вместе с выжженным пространством. Вскоре он отдал эту землю и выстроил избу в кортому (аренду) другому крестьянину, Федору.

Федор каждую ночь стал видеть будто свечу, горящую над могилой, о которой он ничего не знал. Это было в 1524 году. Он сказал об этом домашним. Все решили, что здесь должен быть клад. «Он и точно нашел сокровище, но не зная высокой цены его, ужаснулся: то были два гроба, совершенно как новые». Он в трепете прибежал домой, забросав находку землею, и старался забыть о ней.

Однако Святой Угодник Григорий явился ему во сне и приказал поставить над гробами церковь Великомученика Георгия. Но крестьяне поставили только часовню, украсили ее иконами,

освятили и пели в ней молебны. Сюда приходили болящие люди и получали исцеление.

Теперь всполошился владелец поля Гавриил. Он думал, если здесь будет поставлена церковь и учрежден монастырь, то его поле и близлежащие угодья перейдут в монастырскую собственность. Он стал искать какой-либо духовной власти, чтобы уничтожить часовню. Но «Вологодский святительский престол был на ту пору празден», и разрешение на снос часовни он получил от игумена Глушицкого монастыря Иоакима и иеромонаха того же монастыря Иринарха, поднеся им в дар сто «сребренников» (вероятно сто серебряных копеек) и медвежью шкуру.

Теперь понятно, почему Провидение не явило ему свечу горящую на могилах угодников: не тот человек. Оно же и покарало святотатца: сломав часовню, он впал в иступление ума и целых 10 месяцев, как зверь, скитался по лесу и исцелился, лишь придя с полным покаянием к могиле Преподобных. Народ возроптал на Гавриила, что осмелился тот коснуться святыни, достойно чтимой в округе.

Этот ропот заставил Иоанна, по прозванию Рыло, приставника князя Симеона Авнежского, ехать вместе с настоятелем другой Троицкой церкви, бывшей тоже в Авнеге (на мысу реки Нозьмы у Новой деревни, церковь Живоначальная Троицы—авт.), за советом к Мисаилу, Игумену Прилуцкого монастыря, старейшему из обителей Вологодской епархии. Настоятели этого монастыря в отсутствие Архиеерея пользовались некоторой духовной местной властью. Мисаил не одобрил распоряжений Глушицкого игумена и его сподручного Иринарха и велел снова воздвигнуть часовню, освятить ее и поставить иконы.

Но не дремал и диавол, древний враг людей: он вложил в мысль некоему Онисиму, что там, где скрыты в земле гробы Преподобных, должно быть схоронено много серебра и золота. Онисим подговорил еще двоих, они вооружились острыми железными щупами и «стали глубоко впускать их в могилу», взрыхленную прежним вскрытием, и, говорит рукопись, «мощи святых немилостливо прободяху». Но рука Божия поразила их. Они впали в расслабление всего тела и лежали на могиле, пока сыновья Онисима не нашли его и не увезли домой. Что стало с двумя соучастниками святотатства—неведомо, а Онисим лежал в расслаблении два с половиной года. Но покаянием, слезами и молитвою получил исцеление на оскверненной им могиле Святых Угодников. В дальнейшем он принял ангельский образ, в котором наречен Антонием. Упомянутый выше Иоасаф, автор жития Григория и Кассиана, в 1561 году виделся и беседовал с этим Антонием, который был в ту пору уже столетним старцем.

А за год до того (т. е. в 1560 г.) царь Иван Васильевич Грозный, узнав о многих случаях исцеления болящих, послал сюда Игумена Варлаама, чтобы, по благословению Митрополита Макария, над гробами Григория и Кассиана поставить церкви во имя Живоначальная Троицы и Великомученика Георгия и снова устроить при них обитель, дав этой обители несколько ближних к ней деревень. Храмы, ограды и келии были заложены. 1 октября 1560 года Варлаам снова вернулся сюда для их освящения.

Митрополит Макарий со священным Собором установили праздновать память Григория и Кассиана 15 июня, а Пермскому Епископу Иоасафу вместе со всеми подвластными ему Игумнами было предписано освидетельствовать их святые мощи.

Был назначен день сбора и освидетельствования. Все стекались во вновь устроенную обитель. Но один из них, Игумен Лопотова монастыря Иларион, неохотно шел на это дело: «бе бо маловерием одержим к Преподобным». И поплатился за свое маловерие. Лошадь его при подъезде к обители расвирипела, сбросила его с себя, его замертво внесли в одну из келий. Однако усердная молитва и раскаяние укрепили его здоровье и наутро он смог со всеми вместе служить Божественную Литургию.

Епископ повелел открыть могилу. Храм Божий исполнился неизъяснимого благоухания: мощи найдены нетленными, «не имущи дебелства тела, а кожа присохла к костям и светилась, как снег». Но из гробов цел был только один, другой весь был разрушен острыми шупами Онисима и его товарищей.

С тех пор Троицкий Авнежский монастырь состоял в ведении монастыря Махрицкого и управлялся присылаемыми оттуда Игумнами или Строителями. Когда же Махрицкий монастырь был приписан в Святотроицкой Сергиевой Лавре, то с ним вместе поступил в ее заведование и Троицкий Авнежский, упраздненный штатами 1764 года. Теперь эта обитель обращена в приходскую церковь святителя Николая, что в Старом селе, но в ней сохранен придел во имя Преподобных Григория и Кассиана, Авнежских Чудотворцев, где на древней иконе изображены и некоторые черты их праведного жития.

* * *

(Изложено по сказанию об упраздненном Троицком Авнежском монастыре и о Преподобных его основателях. Член-корреспондент Волог. Стат. Комит. Плат. Волков. Вологодские губернские ведомости, 1846 г., приложения к номерам 8 и 9).

* * *

НА ГРАНИ СУДЕБ

Началось последнее десятилетие XX века. Грядут новые крутые перемены. Дай Бог, чтоб не были они столь же губительны.

От прежнего монастыря видим лишь место с несколькими десятками вековых деревьев. Среди кустарника стоит остаток колокольни Троицкой церкви. Возрождение ее, тем более монастыря, вряд ли возможно.

В конце 60-х я сам был на воскреснике по благоустройству кладбища при бывшей церкви. Убирали мусор, чинили забор. Забор, не ограду! Народу на воскреснике и вообще в деревнях было еще много. Но никто из нас и в малой степени не представлял тогда высокой истории этого места. Просто дух захватывало от раздолья! Вологду, Кадников, Сокол—все можно было видеть над лежащей внизу плоской чашей Присухоны, над ее пустынными лесами и водами (Авнега в наречиях угро-финнов означает примерно—отдаленная, отделенная, пустынная вода). Вольно парить здесь русскому духу! И он парил...

Во времена скрытого, а затем и явного соперничества Москвы и Новгорода этот монастырь был одним из столпов православия на Севере.

Новгородцы — эти потомки ильменских славян — многоструйными потоками ходили на Сухону, Двину, на Северный Урал, в Зауралье, ставили остроги, погосты, городки, рубили просеки вплоть до Оби. Шли они с топором, мечом, острогой,—но и с крестом! Одним из первых они основали на Сухоне погост Векшеньга, известный с 1137 года, плативший дань новгородской Святой Софии.

Московиты — потомки славянского племени вятичей, обитавшего на территории примерно современной Московской области — просачивались в дебри вологодские через костромские, ярославские земли. Сухона стала естественной границей между «зонами влияния» Москвы и Новгорода. Во главе московского движения был крест — духовное освоение новых территорий.

Возможно, для защиты своих интересов и поставили новгородцы «град Шуйский» при впадении Шуи в Сухону.

Это противостояние, приводившее и к военным столкновениям, продолжалось до тех пор, пока все северо-русское пространство не осенила «возмужалая Москва». Но этнографические различия между потомками новгородцев и московских людей остались вплоть до середины нашего века. Они вызваны тем, что новгородцы смешивались с племенами угро-финнов, близкими Коми, а москвичи—с подчиками народов Верхней Волги. Эти различия проявились и во внешнем облике, и в духовном складе, в нравах и обычаях, в способах хозяйствования. Все это тонко уловил и отразил в своих статьях 20-х годов внимательный краевед Н. Н. Бубнов.

Авнежский Троицкий монастырь как раз и стоял на самой черте этих вековых процессов, утишая и умирняя людей—в Боге!

